Глава 16. Тринадцать лет

Церемония пожалования титулов Ван Хану и Джамухе завершилась лишь к сумеркам. Вскоре начался пир. В отличие от простых и суровых пиршеств в ставке Тэмуджина, этот приём отличался подлинным имперским великолепием — ослепительно роскошным. Стоит признать, что среди танцовщиц встречались писаные красавицы. Неудивительно, что Ваньянь Хунси в оригинальной истории не устоял перед их чарами, однако Ваньянь Кана это зрелище ничуть не трогало.

Бросив на невольниц равнодушный взгляд, он поднял золотой кубок. Он с меланхолией смотрел сквозь драгоценный металл в невообразимую даль. Похоже, ещё в прошлой жизни он питал необъяснимое отвращение к подобным празднествам. Сколько бы ни менялась внешняя форма, суть оставалась прежней: душа упорно не желала принимать это шумное веселье.

Он едва заметно качнул кубок. В алом блеске напитка ему почудилось вино из прежнего мира — то самое, густое и ярко-красное, что он пил когда-то. Он слабо улыбнулся. Наверное, именно поэтому даже теперь он старался избегать торжеств без крайней необходимости. Некоторые вещи остаются неизменными, будь то спустя тысячу лет или за десятки тысяч ли.

Сделав крошечный глоток и ощутив на языке характерную жгучую остроту крепкого вина, Кан поставил кубок на стол. Он украдкой взглянул на отца. Ваньянь Хунле, нахмурившись, наблюдал за ним. Кан снова улыбнулся. Отец давно знал о его нелюбви к подобным сборищам и старался оградить сына от хмельного — лекари твердили, что это пагубно скажется на его и без того слабом здоровье. Но раз уж этикет требовал присутствия, Кан решил соблюсти приличия. Одарив отца тёплым взглядом, он обратился к гостям.

— Слава Ван Хана гремит даже в Чжунду, — заговорил он, искусно направляя беседу в нужное русло. — Интересно, а среди молодого поколения монголов есть те, кого можно наречь истинными героями?

Вопрос, заданный юным принцем, звучал иначе, чем если бы его задал Хунле. В устах Кана «молодое поколение» могло означать как воинов в расцвете сил вроде Тэмуджина, так и ровесников самого принца — всё зависело от того, как собеседник пожелает это истолковать.

Ван Хан, судя по всему, рассудил так же, как в оригинале.

— Мои названные сыновья вполне заслуживают этого звания, — ответил он.

Кан заметил, как Сангум изменился в лице, и про себя усмехнулся. Вражда между Тэмуджином и сыном Ван Хана была неизбежна. Даже не обладая талантами, Сангум оставался родным сыном, и это решало всё.

— Сегодняшняя битва позволила нам оценить их доблесть, — любезно кивнул Кан. — Они и впрямь выдающиеся воины. Впрочем, дядя Сангум тоже весьма впечатлил меня своей отвагой.

Прежде чем Ван Хан успел вставить слово, Тэмуджин поспешно и скромно возразил:

— Что вы, Ваше Высочество. Если бы не ваше вмешательство, победа далась бы нам куда большей кровью. Настоящий герой здесь только вы.

Поскольку события развивались стремительно, Ван Хан ещё не знал всех подробностей сражения.

— Вот как? Было и такое? — удивился он.

Кан лишь со смехом покачал головой.

— Великий хан слишком скромен. Моя роль была ничтожна. А вот вы, Джамуха-хан и дядя Сангум проявили истинное мужество.

Заметив, как просиял польщённый Сангум, Кан мысленно добавил:

«Кажется, в бою мелькал ещё один воин в чёрных одеждах? Кто он?»

Джэбэ. Непревзойдённый стрелок и один из будущих наставников Го Цзина. Кан впервые видел его воочию: суровый мужчина лет двадцати с небольшим, немногим моложе отца. Он всё так же кутался в чёрный халат, в котором сражался. Кан собственноручно наполнил кубок и протянул его воину с лёгкой улыбкой:

— Я восхищён вашей неистовой мощью, генерал. Примите этот знак уважения.

Поскольку принц лично поднёс вино, а Сангум на этот раз не был уязвлён, обошлось без привычных ссор. Джэбэ, польщённый таким вниманием, принял дар.

— Благодарю за милость, — выдохнул он, осушил кубок до дна и почтительно покинул шатёр.

Пир затянулся до глубокой ночи. Глядя на уснувшего отца, Кан невольно улыбнулся. Ваньянь Хунле перехватил почти все кубки, предназначавшиеся сыну. Не будь этой нежной заботы, такой крепкий и воздержанный человек никогда бы не захмелел. Покачав головой, Кан велел Фэну приготовить отрезвляющий отвар, а сам остался в шатре.

Вскоре за спиной послышался едва уловимый шорох. Кан знал: это не Фэн и не Цю Чуцзи. Даже их мастерства не хватило бы, чтобы проскользнуть внутрь столь незаметно. Насторожившись, он резко обернулся и замер.

Перед ним стоял юноша, ровесник Фэна. Простые белые одежды не могли скрыть его

неземного изящества; он казался отрешённым от мирской суеты, словно сошёл с древнего свитка. Кто это мог быть, если не Юэ?

Только он обладал способностью двигаться столь бесшумно. Кан едва заметно улыбнулся.

— Давно не виделись. Лет шесть, кажется.

Юноша удивился.

— И как ты на этот раз понял, что я — не настоящий Юэ?

Кан посмотрел в пустоту, словно созерцая невидимые иному миры.

— Юэ сейчас слишком занят в Чжунду. Он никогда не оставит пост ради пустяков. А ты… ты совсем не похож на человека, пришедшего с дурными вестями.

Собеседник кивнул.

— Не меньшего от тебя и ждал.

Он начал менять облик, принимая истинную форму. Это был Нос — тот самый бог, что отправил его в этот мир. Однако Кан недовольно нахмурился.

— Кан. Сейчас моё имя — Ваньянь Кан.

Нос перестал улыбаться. Он стал непривычно серьёзным.

— Я пришёл именно ради этого. Перестань быть Ваньянь Каном. Произошла ошибка. Тебе не следовало рождаться здесь. Ты заслуживаешь иного счастья.

Кан обернулся и посмотрел на спящего отца. Он смотрел с бесконечной нежностью.

— По крайней мере, сейчас я хочу оставаться им. У меня ещё есть дела.

Нос тяжело вздохнул.

— Похоже, придётся открыть правду. Ошибка была не только в выборе мира. Это не простое перерождение, это «Обмен жизнями». Говоря проще, твоя душа заняла место Ваньянь Кана, а его душа в тот же миг воплотилась в твоём прежнем теле, став Лин Юем. Он растёт, не помня прошлого. Но любая его болезнь, рана или смерть мгновенно отразятся на тебе. Если погибнет

один — исчезнут оба. Ваши души развеются навсегда. Единственный способ спастись — вернуться обратно.

Кан спокойно выслушал объяснение.

— Только и всего? Значит, спешить некуда.

— Не совсем, — помедлив, добавил Нос. — Если он станет старше, чем был ты в момент перехода, обмен станет невозможным. Вы срастётесь со своими мирами навечно.

— Значит, у меня есть тринадцать лет. Помню, мой девятнадцатый день рождения уже давно остался позади, — Кан улыбнулся. — Давай условимся: мы вернём всё на круги своя в самый последний день.

— Эти тринадцать лет будут полны опасностей. Даже если он там будет в безопасности, здесь… ты и сам знаешь, что покой этому миру только снится.

— Таково моё решение.

Именно потому, что мир катился в пропасть, он должен был остаться. Хотя бы для того, чтобы помочь отцу удержать империю.

Нос лишь обречённо вздохнул. Кан не изменился: если он что-то вбил себе в голову, переубедить его было невозможно. Впрочем, божество на миг едва заметно улыбнулось.

Услышав шаги снаружи, Кан негромко произнёс:

— Фэн возвращается. Нам пора прощаться. Увидимся через тринадцать лет.

— До встречи, — Нос исчез так же внезапно, как и появился, так и не заметив искренней благодарности в глазах юноши.

«Спасибо тебе… брат».

http://bllate.org/book/17543/1703713